

Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

¹¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39–41.

¹² Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 53–65.

¹³ См.: Алексеев В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII–XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6–14.

¹⁴ Цит. по: Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 694.

¹⁵ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; Кауфман А.О. Артиллерия Кузнецка XVII – первой половины XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 5–11; Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

¹⁶ Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 63.

¹⁷ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011; Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Технично-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

А.В. СПЕРАНСКИЙ

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПЕРЕКРЕСТОК МНЕНИЙ*

Основоположники теории модернизации, зародившейся в поле западной методологии в 1950–60-х гг., выделяют в истории мировой цивилизации два цикла: традиционное (аграрное) общество и современное (индустриальное) общество. По мнению адептов этой концепции, переход от одного обозначенного цикла к другому и есть суть самой модернизации. Она представляется в виде всеобщего глобального процесса, втягивающего в свою орбиту все страны и народы мира. В высокоразвитых странах модернизация комплексно охватывает все сферы

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6 и по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН. Проект № 12-Т-6-1003.

человеческой жизнедеятельности, в полной мере проявляя линейный характер своего развития. В странах с более низким уровнем социальной организации возможна частичная модернизация, квалифицирующаяся как — парциальная.

Естественно, что Россия, имеющая яркую, но сложную и противоречивую историю, насыщенную богатой фактологией, всегда находилась в поле зрения приверженцев модернизационной парадигмы. В частности проблема российских модернизаций неоднократно поднималась в трудах С. Блэка, П. Бергера, Д. Элтера, Б. Мура и других западных исследователей.

Известный американский историк и социолог, профессор Принстонского университета Сирил Блэк в своей научной работе «Динамика модернизации: сравнительное исследование истории» (1966) на основе четко определенных критериев (времени вступления в модернизацию, ее самостоятельности и последовательности, наличия социальных институтов, способных воспринимать модернизационные трансформации, политического суверенитета, стабильности территориального и демографического состояния стран) выделил «семь типов политической модернизации»¹. К первому типу отнесены страны ранней самостоятельной модернизации (Англия, Франция), опередившие всех на пути к переходу от аграрного к индустриальному обществу. Как отмечает ученый, возникшие в этих государствах социальные трансформации были определены внутренними предпосылками, носили непрерывный характер, опирались на имевшиеся социальные институты, политическую суверенность и стабильность территориально-демографического фактора.

Второй тип составили «филиалы» Англии и Франции в «Новом свете» (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия). Особенности модернизации этих государственно-политических образований были огромные неосвоенные земельные пространства, интенсивные миграционные процессы, приводившие к нестабильности территориально-демографического фактора.

Страны «Старого света», вступившие на путь модернизации после Великой французской буржуазной революции (Германия, Италия, Испания, Швейцария, страны Бенелюкса и Скандинавии) причислены к третьему типу. Несмотря на некоторое опоздание и частичную экзогенность модернизационной трансформации, эти страны в основном опирались на внутренний социально-экономический, общественно-политический и культурный потенциал и самостоятельно двигались по пути прогресса, преодолевая территориальную и населенческую неустойчивость.

Четвертый тип включает страны Латинской Америки, характеризующиеся поздним вступлением в стадию перехода от традиционного общества к индустриальному, неокOLONиальными формами правления, предопределившими значительный процент экзогенного влияния на модернизационную трансформацию. Отличительной чертой этой группы стран является численное доминирование бедного неевропейского населения, закрепляющее тенденцию консервации традиционалистских моделей и обуславливающее социальный конфликт с богатыми жителями европейского происхождения.

Россия, наряду с Японией, Китаем, Ираном, Турцией, Афганистаном, Эфиопией и Таиландом, отнесена к пятому типу стран Европы и Азии, не входившим в когорту передовых, но сохранившим свой государственный суверенитет на основе эффективного функционирования традиционалистских правительств, опиравшихся на длительный опыт бюрократического, централизованного управления и относительную стабильность территориально-демографического фактора. Модернизация этих стран базировалась в основном на эндогенной основе, но ее позднее начало обуславливало невысокие темпы и косвенное влияние западных цивилизаций.

Шестой тип представляют страны потерявшие политический суверенитет и долгое время находившиеся в колониальной зависимости от государств первой волны модернизации (Индия, Пакистан, Непал, Индонезия, Бирма). Они достигли высокого культурного уровня еще на этапе развития традиционного общества (в основном на религиозной основе ислама, буддизма, индуизма). Это позволило им начать процесс модернизации, используя, наряду с экзогенными флюидами, поступающими из метрополий, собственные традиционалистские достижения.

По мнению С. Блэка и его последователей, крайне низкий уровень цивилизационного развития, практическое отсутствие прочного культурного фундамента (неразвитость письменности, социальных институтов) предопределил тотальность экзогенного влияния на все трансформации стран Африки, расположенных к югу от пустыни Сахары, и включенных в седьмой тип модернизирующихся территорий земного шара.

Таким образом, проецируя свои теоретические выводы на русскую историю, западные ученые отнесли дореволюционную Россию к пятому типу стран, вошедших в полосу перехода от аграрного общества к индустриальному. Вслед за С. Блэком, представители этой исторической интерпретации называют российскую модернизацию «кон-

сервативной», подчеркивая ее специфические особенности, заключающиеся в том, что модернизационные процессы не затронули аграрный сектор и 4/5 населения страны продолжали жить в условиях традиционализма. Кроме этого, модернизационный переход возглавила традиционалистская элита, сохранившая все привилегии и объективно отстаивавшая в нем только свои интересы. Важнейшим модернизационным импульсом в России, по мнению западных ученых, стала крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право. Проведенная «сверху», она на некоторое время сохранила позиции традиционалистской элиты России в процессе новых социальных трансформаций.

Подобное положение наблюдалось и в других странах пятого типа модернизации. Однако только в Японии (после свержения режима сёгуната в 1868 г.) верхушка традиционного общества сумела удержаться в рамках модернистских преобразований и без ярко выраженных социальных потрясений к 1945 г. плавно интегрироваться в «новое» общество. В других странах, начавших движение в сторону индустриального общества (Китай с 1905 г. — в результате замены традиционной системы подготовки бюрократии современной; Иран с 1906 г., Турция с 1908 г., Афганистан с 1923 г., Эфиопия с 1924 г., Таиланд с 1932 г. — на основе преобразований конституционного характера) традиционалистские элиты не сумели удержать в своих руках модернизационной инициативы и оказались объектами революционного ниспровержения.

Россия пережила этот переломный момент в 1917 году, когда элита традиционного общества не выдержав революционного напора, вместе с рухнувшим самодержавием, уступила свое место в продолжающемся модернизационном процессе большевистскому режиму. Была ли продолжена российская модернизация после 1917 года, и какой характер она приобрела, эти вопросы и на сегодняшний день являются основополагающими при оценках истории России XX века, как со стороны западных исследователей, так и со стороны отечественных ученых, вставших на позиции модернизационной теории с конца 1980 — начала 1990-х гг.

Практически все крупные представители этой исторической парадигмы на Западе включают Россию (СССР) в общемировой модернизационный процесс. Однако советская модернизация рассматривается ими как особая модель перехода к индустриальному обществу, имевшая многочисленные недостатки и поэтому постоянно уступавшая своему западному аналогу по всем важнейшим показателям. В частности, в

работах американского социолога, директора Института экономической культуры Бостонского университета Питера Людвиг Бергера «Пирамиды жертв» (1975) и «Капиталистическая революция» (1986) отмечаются признаки, по которым преобразования в СССР можно отнести к модернизационному процессу: создание основ индустриального общества; постоянный экономический рост; медленное, но неуклонное повышение благосостояния народных масс; сопоставимые с Западом темпы социальной стабильности и динамика распределения доходов. В то же время автор много говорит о бюрократизации советской экономики, ее хозяйственной неэффективности, авторитарно-тоталитарная сущности политического режима, противоречивости взаимодействия двух различных форм стратификации: классовой системы и системы политической наследственности (патримониализма). Наличие этих специфических особенностей, носящих, главным образом, негативный характер, по мнению П. Бергера, и тормозило поступательно-прогрессивное движение советской модернизации².

По утверждению американского социолога и политолога, профессора Йельского университета Дэвида Эптера, высказанного в работе «Политика модернизации» (1965), Советский Союз имел все основные параметры, которые должна иметь любая страна проводящая модернизацию: гибкую социальную систему, способную реагировать на общественные изменения; достаточно высокий научно-технический и культурный уровень, дающий возможность осуществлять технологические трансформации.

Однако политическая составляющая этого процесса, проходившего в СССР, явно не соответствовала необходимости его дальнейшего развития и углубления. Если на Западе, по мнению ученого, господствовала консенсусная (секулярно-либертарианская) модель модернизации, характеризующаяся: плюрализмом распределения власти и лидерства; партийной состязательностью; стремлением к социальному консенсусу. То в России доминировала мобилизационная модель модернизации, так называемое «священное общество», представленное: политической религиозностью; харизматическим лидерством; однопартийной системой³.

Если П. Бергер и Д. Эптер, характеризуя мировой модернизационный процесс XX века, дают сравнительный анализ практически только двух моделей модернизации: капиталистической (США, Западная Европа и другие либеральные демократические государства) и социалистической (СССР, страны мировой системы социализма, страны «третьего мира» социалистической ориентации), то еще один американс-

кий историк и социолог Баррингтон Мур выходит за рамки этого классического дуализма. В своей работе «Социальные корни диктатуры демократии» (1966) он выделяет три возможных варианта модернизационных преобразований, в зависимости от того, какой класс возглавляет эти процессы. По мнению Б. Мура, в США, Англии и Франции авангарде модернизации находилась буржуазия, что и способствовало утверждению капитализма и буржуазной демократии. В Германии и Японии модернизационный переход проходил под руководством аристократии, что привело к установлению фашистского и милитаристского правления. В России и Китае решающую роль в модернизационной трансформации играло крестьянство, что предопределило формирование «великой аграрной бюрократии» и утверждению коммунистических режимов. Таким образом, следуя логике рассуждений Б. Мура, XX век предложил мировому сообществу право выбора модернизационных альтернатив в лице демократического капитализма, реакционного фашизма и революционного коммунизма⁴.

В России теория модернизации стала активно использоваться в исторической методологии только с конца 1980-х гг. Конечно, ее основные положения были известны российским историкам — методологам и раньше, но в силу идеологических и политических причин они могли рассматриваться лишь как объект критики с позиций советского официального марксизма. Только после того как марксистская методология утратила лидирующие позиции, модернизационная парадигма стала применяться к исторической эмпирии с позиций познавательной эффективности и наведения хотя бы какого-либо порядка в возникшем концептуальном хаосе.

Серьезным импульсом в развитии модернизационных представлений применительно к русской истории стал 1993 г. В этом году в журнале «Вопросы философии» были опубликованы материалы круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы». Развернувшаяся на страницах журнала дискуссия наглядно показала особенность освоения модернизационной концепции российскими интеллектуалами. Все предлагаемые участниками диспута с этой научной позиции историко-теоретические конструкции зиждились в первую очередь на идейно-политической основе. Однако по-разному понимая сущность российской модернизации, ее периодизацию, значение и перспективы, все ученые признали главный постулат теории, разработанный еще в лонах западной историко-методологической мысли: дуацикличность мирового исторического процесса и всеобщий характер перехода от аграрного к индустриальному обществу. Правда, при этом были отме-

ченны специфические черты, отличающие российскую модернизацию от западной: большое влияние экзогенного фактора («вторичная модернизация»); крепость традиционалистской (религиозно-цивилизационной) основы отторгавшей инновации, привнесенные «извне»; парциальный (прерывный, не комплексный) характер процесса⁵.

Заметим, что в начале 1990-х гг. теория модернизации рассматривалась как некая составляющая цивилизационной концепции, противопоставлявшейся марксизму в виде труднообъяснимой эклектики (некой «мешанины» точек зрения и взглядов), не имевшей ничего общего с классическими цивилизационными воззрениями А. Тойнби, О. Шпенглера или Н.Я. Данилевского. Дискуссия 1993 года вывела модернизационную концепцию из сферы схоластического жонглирования терминами, предопределив ее самостоятельное развитие в методологическом поле истории России в соответствии с западными канонами. Однако выделение подавляющим большинством сторонников этой концепции специфических черт российской модернизации, признание России «особой страной» плохо поддающейся вестернизации, сохранила в ней цивилизационные мотивы, обусловив некую «пограничность» с цивилизационным подходом, дающую возможность вплести большевизм в логику исторического развития России, как явления имеющего парадигмы и алгоритмы российской культурной традиции и поддерживать так называемую «русскую идею», претендующую сегодня на место коммунизма.

Наиболее ярко «пограничность» модернизационного и цивилизационного подхода при объяснении исторического пути России проявляется в теории псевдомодернизации, сформулированной философом и культурологом Александром Самойловичем Ахиезером в труде «Россия: критика исторического опыта»⁶. В этой работе, ходившей в самиздате по рукам в 1970-е гг., изъятой и частично уничтоженной КГБ в 1980-е гг., восстановленной и опубликованной в начале 1990-х гг., А.С. Ахиезер называет Россию «промежуточной» цивилизацией, развивающейся рывками. Это даже не развитие, а по меткому выражению главного критика теории псевдомодернизации В.П. Данилова «пульсация», осуществляющаяся на основе инверсионных циклов, под которыми понимаются некие разнонаправленные колебания⁷. Направления колебаний зависит от нравственных изменений, влияющих на поведение людей. В результате, все «особенности» развития России по-Ахиезеру есть ничто иное, как отрицательные моменты, не позволяющие идти в ногу с западной цивилизацией. Все, что не происходило с Россией, имеет приставку «псевдо», обозначающую ложный, мнимый исторический путь. По мне-

нию А.С. Ахиезера, псевдомодернизация обуславливается и тем, что «Россия — расколотая цивилизация». «Правящий слой» стремился к модернизации, видя в ней только «средство умножения дефицитных ресурсов», а большинство населения страны, отторгало ее как разрушителя привычного уклада и образа жизни.

Особый интерес в первой половине 1990-х гг. вызвала теория «имперской модернизации» России, обоснованная историком Владимиром Георгиевичем Хоросом. По мнению ученого, изложенного в монографии «Русская история в сравнительном осмыслении» (1996) модернизационные процессы в России начались с преобразований Петра I, характеризовавшихся широким заимствованием у Запада в первую очередь военно-промышленных технологий, взамен на традиционный вывоз сырья. Петровская модернизация отличалась также укреплением бюрократической вертикали центральной власти и усилением гнета народных масс. Как считает В.Г. Хорос, все эти «классические» черты русской модернизации только под другими идеологическими лозунгами, проявились и в трансформациях советской эпохи. Реформы осуществляемые «сверху» под контролем традиционалистских элит, социокультурная неоднородность российского общества в конечном итоге и не способствовали утверждению в России важнейших основ модернизации, таких как частная собственность, гражданское общество и правовое государство. Таким образом, по мнению Хороса, Россия проводила некую «запоздалую модернизацию», быстро разрушавшую старое, но не утверждавшую новых социальных институтов⁸.

Характеризуя особенности российской модернизации нельзя не остановиться на точке зрения философа Сусанны Яковлевны Матвеевой, высказавшей положение о «догоняющей модернизации» в России. Наряду со ставшими уже традиционными характеристиками, такими как социокультурный раскол, трудная приспособляемость к модернизации, автор обращает внимание на то, что в отличие от Запада, где ведущую роль в модернизационном процессе играла буржуазия, в России «двигателем прогресса» был государственный служащий, то есть чиновник, что естественно накладывало бюрократический отпечаток на все преобразования. Кроме этого, бросаясь вдогонку за Западом, постоянно уходившим вперед, Россия металась от одного модернизационного этапа к другому, оставляя огромное количество нерешенных на предыдущем этапе проблем. По мнению С.Я. Матвеевой, она как бы «проскакивала» необходимые моменты исторического развития, оставляя позади себя социальные, экономические, политичес-

кие и культурные «пустоты», мешающие ей в дальнейшем продвижении вперед⁹.

Во второй половине 90-х гг. XX — начале XXI вв. модернизационный взгляд усилил свои позиции в методологии истории России. К этому времени российские «модернизационщики» достаточно глубоко изучили воззрения своих западных визави, выработали свой научно-методологический инструментарий, дающий возможность не только заученно повторять сделанные до них выводы, но и высказывать собственные суждения. Появилось достаточное количество работ методологического характера, написанных на междисциплинарной основе, касающихся как глобальных проблем модернизации, так и ее отдельных направлений. Наряду с признанием двух возможных векторов модернизационного перехода (линейного и парциального), сегодня высказываются мысли о возможности третьего пути — так называемой неомодернизационной или постмодернизационной модели социальной трансформации, основанной на положительной роли социокультурной традиции. Такая точка зрения, обосновывающая многолинейную версию модернизации присуща историкам Вениамину Васильевичу Алексееву, Игорю Васильевичу Побережникову и ряду других исследователей¹⁰.

На междисциплинарной основе написан труд экономиста Виктора Александровича Красильщикова «Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций»¹¹. Это историко-социологическое исследование научно-популярного характера, хотя и имеет ссылки на А.С. Ахиезера, В.Г. Хороса, А.С. Панарина, все же главным образом опирается на достижения западной методологии. Автор стремится показать особенности российской модернизации на фоне общемирового процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу. Как и ранее названные представители современного модернизационного направления, В.А. Красильщиков обращает внимание на экзогенность, поверхностность и бюрократичность российского варианта модернизации, подчеркивает негативное влияние на нее социокультурного раскола российского общества. По мнению ученого, все названные особенности несут в себе отрицательный заряд и значительно снижают эффективность модернизационных трансформаций. Отмечая противоречивость модернизации России, автор, на наш взгляд очень удачно и остроумно замечает, что она «стремиться в будущее, пытаясь остаться в прошлом и уйти от настоящего»

Несмотря на приверженность цивилизационному подходу, модернизационная парадигма прослеживается и в произведениях историка

Любови Ивановны Семенниковой. Отталкиваясь от идеи цивилизационной неоднородности российского социума, исследовательница говорит о противоречиях, непоследовательности и непредсказуемости результатов пяти российских модернизаций: «петровской», продолжавшейся с XVIII в. до середины XIX в., «александровской», охватившей вторую половину XIX в., «столыпинской», имевшей место в начале XX века, «сталинской», развивавшейся в советский период нашей истории и «ельцинской», случившейся на рубеже XX — XXI вв. Для всех российских модернизаций, по мнению ученой, было характерно гипертрофированное значение личностного фактора, втягивание в них главным образом русскоязычного населения. Среди всех названных модернизаций, как считает Л.И. Семенникова, наиболее последовательной, комплексной и эффективной была советская модернизация¹².

Если работы В.А. Красильщикова и Л.И. Семенниковой носят в целом умозрительный характер, то двухтомное исследование Санкт-Петербургского историка Бориса Николаевича Миронова базируется на огромном фактологическом материале, отличается постановкой новых задач и интерпретационной новизной при их решении. Поставив во главу угла проблемы генезиса личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства, автор приходит к выводам, что российская держава «европейского происхождения», что в российской модернизации не было никакой неорганичности и она не носила «догоняющего» характера, а в русской цивилизации нет никакой исключительности и специфичности. Б.Н. Миронов акцентирует внимание на национальных особенностях России, обусловленных религией, многонациональностью, природно-климатическими условиями, различиями политического и культурного характера, показывая факторы сдерживающие модернизационный процесс (социокультурный раскол общества, потребительская трудовая этика крестьянства, антибуржуазные настроения, слабая секуляризация массового сознания), но в целом подчеркивает «встроенность» России в круг европейской цивилизации.

Б.Н. Миронов высказывает интересную мысль о том, что стремление России постоянно идти в ногу с Западом, часто приводило к необоснованному забеганию вперед. Это выражалось в надуманных реформах, в условиях существования еще крепких и здоровых традиционалистских институтов. В результате происходило объективное отторжение «заморских новинок» и к 1917 году модернизация в России не была завершена. Хронологические рамки исследования не дают возможности ученому всесторонне рассмотреть модернизационные про-

цессы в России в условиях большевистской власти, тем не менее, отмечая их непоследовательность, он утверждает, что они способствовали значительному сокращению отставания России от Запада и её вхождению в круг самых развитых стран мира¹³.

Эта мысль ярко проявляется и в работе экономиста и демографа Анатолия Григорьевича Вишневого «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР», носящей мультидисциплинарный характер и основывающейся на синтезе исторических, экономических, философских и публицистических методов. А.Г. Вишневский выступает против принижения российского перехода от аграрного к индустриальному обществу до уровня «псевдо» или «анти» модернизации. Анализируя общий ход советской модернизации и ее региональные особенности, автор указывает на огромный положительный эффект ее результатов, сделавших СССР вполне конкурентноспособным по отношению к ведущим странам запада. В Советском Союзе, как утверждает этот ученый, вполне успешно реализовывались пять модернизаций: экономическая, городская, социологическая, демографическая и культурная.

К сожалению, они не были доведены до конца, что было обусловлено их конструктивным и инструментальным характером, выражавшемся в том, что реформаторы опирались на механизмы отжившего традиционалистского общества, блокировали развитие новых социальных институтов, таких как частная собственность и либеральная демократия, стремились усовершенствовать, главным образом, материально-техническую базу социума, не уделяя должного внимания трансформации личности от «соборности» к «индивидуализму». В итоге инструментальные цели пришли в противоречие с консервативными методами осуществления реформ, что и привело к краху советской супердержавы и ее модели развития¹⁴.

К разновидности модернизационной точки зрения на русскую историю XX века можно отнести теорию юриста Александра Валентиновича Оболенского. В своей работе «Драма политической истории: система против личности» (1994), рассматривая Россию, как отдельную цивилизацию, А.В. Оболенский выделяет две основные тенденции, лежащие в основе ее исторического процесса: системоцентризм, предполагающий примат государства в общественной эволюции и персонцентризм, основывающийся на примате личности. Обе тенденции, по мнению исследователя, развиваются параллельно, однако склонны к сближению и имеют даже некие переходные мостики, способные обеспечить переход от одного состояния к другому. Россия и на рубеже XIX с XX в., и на рубеже XX и XXI вв., получала хорошие перспективы персо-

ноцентристского, то есть демократического развития, но с завидным постоянством упускала свой шанс, оставаясь в рамках государственной бюрократии «большевистской диктатуры» или «президентской республики»¹⁵.

Подводя итоги, концептуально-историографической характеристике использования теории модернизации при изучении истории России, отметим разноплановость восприятия российскими гуманитариями этой методологической парадигмы. Активное изучение точки зрения «западников» и попытки применения их теоретических выкладок к российской истории, породили несколько оригинальных, но противоречивых модернизационных интерпретаций: «псевдомодернизация», «имперская», «догоняющая», «запоздавшая», «вторичная» модернизация, «постмодернизационная» модель и т.д., и т.п. Они не носят завершенного, всеобщего характера и допускают альтернативные варианты при оценках исторической эволюции России. Имевшие место попытки сближения позиций, на основе их синтеза, выбора из имеющегося множества, одной наиболее приемлемой концепции, коррелирования с марксизмом и т.д. пока не обозначили сколько-нибудь серьезных позитивных сдвигов в сторону разумной интеграции.

Примечания

¹ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: HarperColophonBooks, 1975.

² Бегер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

³ Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, London, 1965.

⁴ Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1966.

⁵ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.

⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.1-3.

⁷ Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 100.

⁸ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

⁹ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7.

¹⁰ Алексеев В.В., Побережников. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Сб. научн. статей. Екатеринбург, 1998. С. 8-32; Они же Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8-49; Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М., 2000; Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217-246; Он же. Теория модернизации: от структурализма к структурационному анализу // Гуманитарная наука

образование как фактор национального развития: Материалы научно-практической конференции (Екатеринбург, 13-14 мая 2002 г.) / Уральский гуманитарный институт. Екатеринбург, 2002. С. 61-72; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзор / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168. Он же. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

¹¹ Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998

¹² Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 2003.

¹³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII ? начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб., 1999.

¹⁴ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

¹⁵ Оболонский А.В. Драма политической истории: система против личности. М., 1994.

С.В.ГОЛИКОВА

ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ*

Культурный ландшафт формируется, прежде всего, человеческой жизнедеятельностью, которая во многих местах, в том числе на Урале оказалась почти исключительно определяема производственным фактором. В XVIII в. началось активное промышленное освоение Урала. Строительство заводов развернулось на Среднем Урале — месте, где издавна велась разработка и плавка руд. Во второй четверти столетия крупные заводы (например, Кушвинские) были построены казной, продолжалось развитие хозяйства Демидовых, а на Западном Урале — Осокиных, возникли первые предприятия в вотчине Строгановых, «партикулярные люди» И.Б. Твердышев и И.С. Мясников приступили к освоению Южного Урала¹. Разработка рудных месторождений, углехождение, основные этапы железоделательного производства: доменное и передельное (традиционное молотовое — кричное), позднее пудлинговое, и в меньшей степени прокатное и мартеновское, сложный технологический процесс получения «черной», затем «красной» (чистой) меди, плюс многочисленные металлообрабатывающие цеха — все это появилось в крае, сделав Урал признанным старым промышленным районом России.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-6582.2012.6.